

Лариса Алексеева

Цвет винограда

О Юлии Оболенской и Константине Кандаурове
(продолжение)

Ю. Л. Оболенская. Коктебель. 1913. Фотография.

Планета Коктебель

Макс[имилиан] Ал[ександрович] задержал меня наверху и провел к самому краю скалы в какой-то прорыв между скалами, откуда внизу иглами и пиками устремлялась кверху внутренность вулкана. Вокруг были видны: в одну ст[орону] — Меганом, Крымские горы вплоть до Ай-Петри, а с другой Богаевский показал мне Азовское море. Какого вида были эти узорчатые цепи и море с лежащими на нем облаками, и наши мысы, и далекие берега — невероятно.

Ю. Л. Оболенская. Из дневника 1913 года.

«Кошмарично сказочный» (А. Бенуа) Коктебель стал началом истории Юлии Оболенской и Константина Кандау-

© Larisa Alekseeva, 2010. (Продолжение, начало см. TSQ 29).

рова. Ландшафт, заряженный вулканической творческой силой и напитанное ею же воображение, побуждали к рифме, образу, чувству. *Genius loci*: фантастическая реальность и идеальная декорация, поэтическая сцена для вымыслов, романтических сюжетов, легендарных небылиц, сменявших друг друга в причудливой драматургии.

М. А. Волошин. Пейзаж. 1928. Бумага, акварель.
С дарственной надписью автора Ю. Л. Оболенской.

И чем больше коктебельская дача превращалась в Дом поэта, примагничивая к себе новых персонажей и культурных героев, тем большее пространство обживалось, отзывалось, резонировало ему. Непринужденная повседневность дачной жизни на древней земле у жерла вулкана обретала черты эстетико-географического феномена, природного и культурного взрыва, создававшего «крымский текст» серебряного века.

«Ехали молча, изредка переговариваясь, видели страны неописанной изумительности, базальтовое пламя, каменные ручьи, клыки тысячи фигур, замков, соборов, готических кружев, ассирийских барельефов. Слонов, египетских сфинксов и пр. — зеленые, голубые и рыжие скалы, пещеры, скалы, которые Макс[имилиан] Ал[ександрович] удачно назвал Самофракийской победой, а Лев Ал[ександрович] (Бруни — Л. А.) застывшим ужасом — говорить о них нет сил. Проехали ворота, увенчанные орлиным гнездом и вышли на каменистый берег, замкнутый стеной Карадага с сфинксом и египетск[ой] сидящей фигурой по бо-

кам. Полоса его так узка, что в прибой некуда деться — отвесные скалы и круг моря с полетом «ворот» — точно нет больше ничего, точно ты на другой планете»¹.

Лето 1913 года вовлекло Оболенскую и ее подругу Мэгду Нахман во «взрослый» мир художников, органичный, естественный, погруженный в природную среду — без мундиров и академической иерархии. Разговоры о живописи совмещались с походами на этюды, прогулками и вечерними посиделками, поиском камушков на берегу («фернам-пиксов»), словесной пикировкой и вовлеченностью в общую жизнь волошинского дома.

Серьезность и сдержанность привносил в него Ф. К. Богаевский, суровый романтик, извлекавший из радующего глаз пейзажа печальный облик одиссеевой Киммерии.

Интеллектуально-игровое поведение, перетекающее от слова к образу — «в ударах рифм и ритме вольных линий», как об этом напишет Оболенская, — от реальности к маскараду и мистификации больше было свойственно Волошину.

Абсолютный позитив солнечного диска воплощал в себе Канадуров. Он умел радоваться простым вещам с какой-то детской непосредственностью, и это делало мир вокруг него свежее и ярче. Улыбка, кажется, не сходила с его лица, синие глаза светились радостью: «Как хорошо! Как прекрасно!» Банальность описания здесь не характеристика — краска. Таким воспринимает Кандаурова Юлия Леонидовна, да и другие мемуаристы вспоминали о нем как о человеке легком, «солнечном», располагающим к общению. Приятный собеседник и талантливый рассказчик, Константин Васильевич — человек театра с амплуа «романтического героя», а потому мелодраматические реплики, повышенный эмоциональный накал речи отчетливо проступают в его письмах многочисленными восклицательными знаками.

Со всеми троими Юлия Леонидовна сумеет выстроить отношения, быть интересной в письмах, найдя свои темы и

¹ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1. Лл. 28-28 об.

интонации, каждому, начиная с Волошина, посвятит стихи, захочет сделать портреты. Но в первое лето ее художественные опыты еще не слишком смелы, обращены к пейзажу, который завораживал и просился в слова, оставаясь на страницах дневника:

«Каждое утро работаем на самой высокой из гор-холмов, куда бесконечно трудно взбираться с вещами, но когда я попала в долину между ними и увидела сверху пейзаж, [...] цветной как драгоценные камни, а в море, похожем на огонь сквозь зеленый бриллиант, окровавленные мысы, точно полные алой и малиновой крови и запятнанные рыжим, я онемела. В Ю[жном] Крыму никогда не видела таких цветов, разве к вечеру и то не столько. А композиция! Вчера ходили вечером еще рисовать с Богаевск[им], Волош[иным] и Кост[антином] Вас[ильевичем] на Сююрю-Кая»².

Спустя несколько дней: *«(...)Чувствую, что начинаю уже понимать возможный подход к здешним местам. Меня очень мучила моя беспомощность. До с[егодня] еще не имею работ и нечего было показать К[онтснтину] В[асильевичу], но теперь что-то намечается в мыслях (...)»³.*

Коктебельские пейзажи фигурируют в списке работ Оболенской. Один из них — «Вид на Сююрю-Кая» — обнаружился в Русском музее.

Но первой ее настоящей вещью станет «Автопортрет в красном»⁴, задуманный в Коктебеле, но законченный уже в Петербурге и затем перевезенный в Москву к Кандаурову.

В отличие от портрета Цветаевой, сделанного М. Нахман в августе 1913 года, фигура там вписана в пейзаж — смуглые излоги и лукоморье обозначили его происхождение и более сложное живописное решение. Нахмановский портрет известен по репродукциям, а вот непосредственное и вполне профессиональное суждение Оболенской о нем: *«Тишайшая (коктебельское прозвище М. Нахман — Л. А.) тоже кончила свой портрет. Он хорош и только вялость оранжевых складок*

² ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об. — 9.

³ Там же. Л. 33.

⁴ См. Toronto Slavic Quartetly № 29.

слегка огорчает меня: неизвестно, каково их значение в композиции. Меж тем, как если бы она вложила в них ясно выраженное стремление к отвесу — их роль была бы ясна. (...) И еще ошибкой мне кажется: цвет фона слишком близок к лицу... Меня удивляет, насколько поэзия доступна живописи, какое удовлетворение дают слушателю ритм и рифма, и чем они чище, тем сильнее»⁵.

Еще о стихах и дружбах

Быстрее пули я — Юлия.

М. Цветаева

О том, что ритм и рифма увлекают Оболенскую сильнее, чем кисть, и что обе подруги работают с одними и теми же «моделями», было сказано в первой части нашего повествования. Магда пишет портреты Цветаевой и Эфрона, Юлия, рисуя, увлекается стихами. И ее «парный» к эфроновскому портрет Марины Цветаевой хочется представить:

Резвым мальчиком впервые
Вы явились мне.
Бойко выбежали Вы — я
Помню как во сне
Шумный топот вдоль дороги
Ропот смеха, свар,
Ваши тоненькие ноги
В складках шаровар —
Слишком веселы для юбки,
Для ковров легки
Для мальчишки слишком хрупки
Нервны и тонки,
Слишком ровны для паркета,
Грозны для травы
Слишком юны для поэта
Были сами вы.
В августе в ином наряде
Встретить вас пришлось —

⁵ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1. Лл. 76 — 76 об.

Закрывала шляпа пряди
 Срезанных волос,
 Было слишком длинно платье
 В слишком ранний час —
 Быстрое рукопожатье разделило нас.
 Слишком юная для дамы,
 Но большой поэт,
 Но расстались навсегда мы
 Иль на много лет.
 Слишком длинно я отвечу
 Вам на пару строк.
 Слишком милой стала встреча
 В слишком краткий срок.

Проводы М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона в Феодосию. Коктебель.
 Август 1913. Ю. Л. Оболенская — крайняя справа;
 впереди нее — М. М. Нахман.

Дружеские отношения с семейством Цветаевой — Эфронов — это конец июля (после отъезда Кандауровых) — до 15 августа. Их проводы из Коктебеля в Феодосию и проведенный с ними день там — как ели дыни, ходили за покупками, писали на пакетах с конфетами веселый вздор — Оболенская подробно описывает в дневнике, а на известной фотографии вся коктебельская компания снята в ранний час у волошинского дома.

Вечер накануне прошел на «вышке» — верхнем открытом балконе: «Марина и Макс[имилиан] Ал[ександрович] чита-

ли стихи (она — Башкирцеву, он — переводы свои). Марина Ив[ановна] подарила нам по своей книге и просила расписаться в ее книжечке и написать год и число рождения и адрес»⁶. Свои прощальные стихи Оболенская прочла отъезжающим уже утром: «Марина притащила альбом и просила написать, что успею, я же дала ей для надписи ее книгу. Писала, выпачкалась по локоть в чернилах, т. к. автомобиль их уже ждал»⁷. Трудно сказать, которая именно из «элегий», прославивших в то лето Юлию Леонидовну, звучала. Возможно, это было одно общее посвящение, начинавшееся строками:

Там, где словно в колыбели,
Убаюкивает море
Бесприютные суда, —
В лучезарном Коктебеле
На торжественном соборе
Обормотского гнезда
Все мы провожали зори
После тяжкого труда...

Потом, когда Оболенская приезжала в Москву, она бывала в здешнем «обормотнике» — в доме со львами на Малой Молчановке⁸, где в 1914 году жили сестры Эфрона Лиля и Вера, а у них — много друзей и знакомых. Но близких дружб не сложилось: «я не обормотской породы». Кажется, что, как и на фотографии, Юлия Леонидовна всегда была чуть сбоку, в стороне.

Вообще, Оболенской лучше удавалось общение с мужчинами — напомним пока вскользь об Эфроне, Толстом, Ходасевиче, Мандельштаме, — которые легко начинали с ней дружить, незаметно вовлекаясь в обаяние этой девушки, напоминавшей подростка и не отличавшейся ни красотой, ни женственностью. Женское в ней раскрывалось не сразу и как-то совсем не по-женски.

⁶ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

⁷ Там же.

⁸ Адрес «обормотника»: Малая Молчановка, д. 8, кв. 27 указан в письме Кандаурова от 1 декабря 1914.

Ее бойкий нрав и мальчишеские повадки провоцировали появление маски — от мужского лица она пишет шуточные письма и заметки в затеянную в Ялте для развлечения больного Эфрона газету «Коктебельское эхо», на что откликается Сергей Яковлевич: *«Редакция благодарит Вас за присланный рисунок и просит сообщить Вам, как лицу, интересующемуся судьбой суфражистки Ю. Оболенской, что по последним сведениям эта передовая женщина начала выказывать признаки психического расстройства. Доктора определили эту болезнь как раздвоение личности. Она мнит себя то девушкой тихой и кроткой Юлией, то дерзким, заносчивым лживым и вороватым братом Юлианом. И настолько сильно это раздвоение, что и письма она пишет или тихие и кроткие (Юлия), или дерзкие, заносчивые, лживые и вороватые (Юлиан)»*⁹.

Леонидом именуется ее в ранних письмах и Кандауров, продолжая какую-то игру их первого лета, еще одну мистификацию из коктебельского расклада.

Почтовый роман

Я думаю о тебе постоянно и мне так хочется вдохновить тебя на новую работу, на новые мысли. Мне дорого твое искусство, которое я полюбил.

К.В. Кандауров — Ю.Л. Оболенской.
6 марта 1914.

Писать Константину Васильевичу Оболенская начала еще из Крыма — по-дружески, но сдержанно. Она слегка растеряна: период ученичества закончился, а дальнейшее художническое существование совсем не ясно. Оболенская и ее подруги по школе Званцевой — Нахман, Грекова, Жукова и др. — самолюбивы, но в общем, беспомощны, чтобы заявить о себе выставкой или каким-то объединением, хотя и понимают, что живопись осуществляется с ее предъяснения зрителю. *«Нам сочувствует кто-то из членов М[ира]И[скусства] и, конечно, задетый больше нас наш учитель (Петров-Водкин —*

⁹ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 76. Л. 2 об. — 3.

Л. А.), но это сочувствие платоническое. На деле мы никому не нужны и верят в нас плохо — да в нас, как во всяком начале, многое вероятно еще не выявлено»¹⁰, — пишет она Кандаурову в ноябре 1913 года, и смысл завязавшейся переписки кажется обоюдно понятным: поддержка и сотрудничество.

И все же не прагматика водила пером Юлии Леонидовны, которая сторонилась всякой публичности и на тот момент еще и не чувствовала в себе настоящего мастерства. Поэтому задача Кандаурова усложнялась: надо было не просто поддержать — утвердить в молодой девушке художника, дать почувствовать свои силы, вовлечь в творчество. Вот здесь и случается решительный поворот сюжета: Пигмалион обрел свою Галатею.

Поездки из Москвы в Петербург придавали отношениям реалистическое напряжение, а письма, ставшие каждодневными, все более вербализировали романтическую игру, в которую включились оба.

«Дорогая, если в Вас проснется женщина, и Вы полюбите, то заклинаю Вас, отнеситесь к этому серьезно и со всех сторон осмотрите того, кого выберет Ваше сердце. Я в Вас нашел то, что смутно искал всю жизнь. Вы одна меня поняли! Вы одна говорили чудным хорошим языком сердца с неисправимым мечтателем. Мой дух у Вас в комнате и я сижу на своем месте в углу дивана, как было хорошо? Как хорошо. Сердце забило сильнее и все встает перед глазами»¹¹.

Письма Константина Васильевича почти всегда на двух страничках — часто это бланки «Мира искусства», — плотно записанные «танцующим» почерком, пока места хватает. Многие из них он пишет в театре во время спектакля в полутьме осветительской будки, сам едва разбирая написанное. «Нервничаю», «волнуюсь», «рад», «бесконечно счастлив» — возбужденная интонация этих писем, предает психо-эмоциональный тип личности Кандаурова. Он пишет, как «слышит

¹⁰ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1080. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 190. Л. 1 об. — 2.

и дышит», не задумываясь о стилистике, повторяя по многу раз ласковые слова и фразы для своей дорогой Юлии.

Ее письма — более длинные и «художественные» в силу привычной легкости изъяснения на бумаге — порой кажутся и более взрослыми. Глубина, вдумчивая серьезность приправлены в них легким юмором, даже некоторой снисходительностью к своему адресату: *«Да, одно из твоих писем — пред-пред-последнее — меня очень порадовало — оно было такое живое, лукавое и стремительное, очень похожее на одного глупого московского кота. Два последних тоже очень радостные, но как-то дальше от меня — отчего это? Вот, что слушаться обещаешь, это хорошо»*¹².

Следующее лето решено было также — беззаботно, а главное, творчески — провести в Крыму. Юлия Леонидовна приехала в знакомый волошинский дом 1 мая, Кандауровых ждали к середине месяца. Но все произошло иначе.

Пожары четырнадцатого года.

Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать-Земля и Царь-Огонь!

М. Волошин.

Художнику, живущему у подножья огненной горы, нельзя не стать философом. Для философа, владеющего поэтическим даром, огонь — «знак своеволия», принуждающий к высказыванию. В двадцатые годы Волошин создаст цикл поэм «Путями Каина. Трагедия материальной культуры», где Прометеев огонь — начало человеческой культуры и он же — огонь «поджогов и пожаров», «неистовое пламя мятежей». А еще — «Огонь сердец — невидимый и темный / Зажженный в недрах от подземных лав...»

Какая память стояла за этими стихами и стихиями?

В одном из своих писем в Москву Волошин спрашивал: «Скажите, как нужно понимать пожар, вспыхнувший на Но-

¹² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 972. Л. 2.

вый год?» — и полущутя назвал это событие «роковым предвестием».¹³ Пожар, совпавший с началом четырнадцатого года, начался в мастерской, где, кстати, возле загадочной Таиах находились две кушетки — «купе» Кандаурова и Богаевского. О том, как домочадцы пытались тушить огонь, а Макс волшебным образом «заговорил» его, описано свидетельницей — М. Цветаевой. Помня о метафоричности цветаевской прозы, тем не менее, отметим, что спустя много лет она сохранила то же ощущение мистичности происходящего, которое насторожило самого поэта. Спустя короткое время «роковые предвестья» будто по бикфордову шнуру вспыхнут у его друзей — сначала в Феодосии, потом в Москве.

М. А. Волошин. Мастерская.
Купе К. В. Кандаурова и К. Ф. Богаевского. 1916.
Картон, акварель.

«Я безумно встревожен и только что написал ужасное ругательное письмо Богаевскому, — сообщает Кандауров Оболенской 16 марта 1914. — Он уничтожил все, что написал за этот год. Все картины и акварели жег на огне (...) Я боюсь даже самоубийства, т. к. он был однажды близок к этому. Не могу простить себе такое долгое молчание и чувствую себя виноватым. Макс писем не шлет, а Елены Оттобальдовны письмо полно же-

¹³ РГАЛИ. Фонд 769. Оп. 1. Д. 290.

стоких упреков по моему адресу. Все это ужасно тяжело»¹⁴. А в мае случился пожар в квартире Кандауровых при Малом театре, в котором тоже погибли все картины, вещи, а жена Кандаурова, Анна Владимировна, спаслась чудом, выпрыгнув из окна...

И, тем не менее, почти в намеченные сроки Константин Васильевич выбирается в Коктебель, а чуть позже к нему присоединяются жена и племянница — молодая балерина Маргарита Павловна Кандаурова (1895—1990), даже не красавица, а «девушка-цветок».

И сюжет наш делает еще один поворот.

В то лето у подножья Карадага разгорелся вулкан страстей, а дом Волошина стал домом, где разбиваются сердца.

Что значит расписывать «Бубны»?

...в Коктебель меня страшно тянет ранняя весна, хочется писать землю темную, влажную, еще нетронутую. Осенью на ней будет отпечаток лета и людей, прошедших без меня...

*Ю. А. Оболенская — К. В. Кандаурову. [24]
марта 1914.*

Деревянный балаган лавочки «Бубны», где можно было пообедать, выпить вина при дружеском расположении хозяев — греческой семьи Синопли, художники расписали в первый раз в 1912 году, несомненно, добавив этому месту популярности. Под руководством Лентулова и Белкина прямо на досках они изобразили разные натюрморты: чашки, колбасы, кренделя с надписями вроде следующих: «Пью, да не кончаю — третью чашку чаю» или «Выпили свекровь и я — по две чашки кофея» и т. д.

¹⁴ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 201. Л. 1.

Синопли хватило юмора и смекалки, чтобы оценить искусство приезжих гостей и рекламную пользу от его использования. Со временем лавочка превратилась в колоритный «артобъект», где настенные рисунки с забавными подписями провоцировали посетителей на собственные граффити.

В мае 1914 Волошин, Толстой, Оболенская и Л. Квятковский снова расписывали кафе — стенопись «Бубен» осталась на фотографиях с комментариями Оболенской.

На этот раз темой для рисунков послужил приказ феодосийской полиции, где было предписано «купаться лишь в костюме, соответствующем своему назначению». Поэтому на стене появились в качестве регламентированных «положительного» и «отрицательного» примеров водолаз и господин в бобровой шубе.

Другая пара персонажей-антиподов выглядела так: элегантный господин в панаме, белых брюках, с цветочком в руке и подписью: «Нормальный дачник, друг природы, — Стыдитесь, голые уроды» (автор рисунка и текста А. Толстой) и Волошин в рубашке с голыми ногами и мешком за плечами с его же «автохарактеристикой»: «Бестыжий Макс; он враг народа! Его извергнув, ахнула природа!». Толстой попал на стену в исполнении Оболенской: «Прохожий, стой! Я — Алексей Толстой!».

Лентуловский рисунок, изображавший лодку под парусами, был дополнен: в ней появились пассажиры, а управляла бригом под названием «Ужас» Пра — Елена Оттобальдовна Волошина. Тест под изображением был такой:

Шипит вулкан и плещет сажа,
В землетрясеньи Коктебель
И никого из экипажа
Живым не выбросит на мель.

Расписывая кафе «Бубны» и легко флиртуя друг с другом, Толстой и Оболенская не предполагали, что за нарисованным на дощатой стене извержением вулкана скрывается своя тайна.

Итак, «гости съезжались на дачу», и, как водится, подobaющие месту приключения не заставили себя ждать. В доме стремительно нарастало пересечение взаимочувствований, повышение градуса отношений проявлялось стихийно, эмоционально, остро, будто огонь обжигал уже не стены, а души. Необременительная дружественность коктебельского бытия была нарушена.

В сложную любовную коллизию, захватившую Оболенскую, Кандауровых и Толстых, оказались вовлечены в качестве доверенных лиц, участников, сочувствующих и наблюдателей Волошины, Майя Кювилье, Цветаевы, Богаевские и другие.

В театре Луны

Этот путь через страдания нужен как очищение. Будь же крепка духом и твердо работай во имя нашей любви.

К. В. Кандауров — Ю. Л. Оболенской.

15 июля 1914.

«Сегодня поедут в Коктебель Толстые Алексей и Соня»¹⁵, — сообщает Оболенской в письме от 19 марта Константин Васильевич. По-видимому, Юлия Леонидовна о них хорошо наслышана, а скорее, отдаленно знакома — с Дымшиц они вместе занимались в школе Званцевой, Толстой там часто появлялся. Они давно дружат с Волошиным, а в этот год приехали в Коктебель ранней весной.

Их появление на коктебельских подмостках совпадает с работой Толстого над пьесой «Геката», ставшей своеобразным «прологом» к дальнейшим реальным событиям. Мифология пьесы восходит к волошинскому венку сонетов «Lunaria» и наполнена мистикой космических катастроф и жуткими сценами (дисгармония души и пола, убийство женщины, самоубийство), оставлявшими впечатление горячего бреда¹⁶. Но пока это всего лишь словесная игра на модную тему луны, актуальную у символистов и мистиков.

¹⁵ Там же. Д. 203. Л. 1 об.

Появление новых героев требует небольшого отступления, касающегося двух друзей — Кандаурова и Толстого.

М. М. Нахман. Портрет К. В. Кандаурова.
Коктебель. 1913. Бумага, карандаш.

Предположительно, они познакомились весной 1911 года здесь же, у Волошина. 25 мая 1911 в одном из своих писем Кандауров писал: «*Очень было занято с Толстым и Максом*». ¹⁷ Следующий летний сезон все также благополучно и счастливо проводили в Крыму, свидетельством чему является коллективная открытка Кандаурову, написанная Толстым при участии других обитателей волошинского дома: «*Имею часть довести до Вашего сведения, что в Киммерии все благополучно и по местам (и весело!)*» ¹⁸ Далее идет перечисление участников Киммерийского Олимпа, где Толстой именуется Валерьяном Самцовым а Софья Исааковна Дымщиц-Толстая — Сивиллой Карантинной.

¹⁶ См. об этом: Елена Толстая. "Алешка" и "Аннушка": К истории литературных отношений Анны Ахматовой и Алексея Толстого \\ Toronto Slavic Quartetly № 31.

¹⁷ В. П. Купченко. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. Т. 1—2. СПб.: Изд. «Алетейя». 2002. Т. 1. С. 271.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.

Е. С. Кругликова. Силуэт А. Н. Толстого. 1910-е.

В 1912 году именно Кандауровы помогли Толстым перебраться в Москву, подыскать квартиру в доме на Новинском бульваре, поселив их на какое-то время у себя — в квартире при Малом театре. И наоборот, летом 1914, после пожара, погорельцы получают пристанище у Толстых. Иначе говоря, Толстые и Кандауровы приятельствовали семейно, довольно часто бывая друг у друга в гостях.

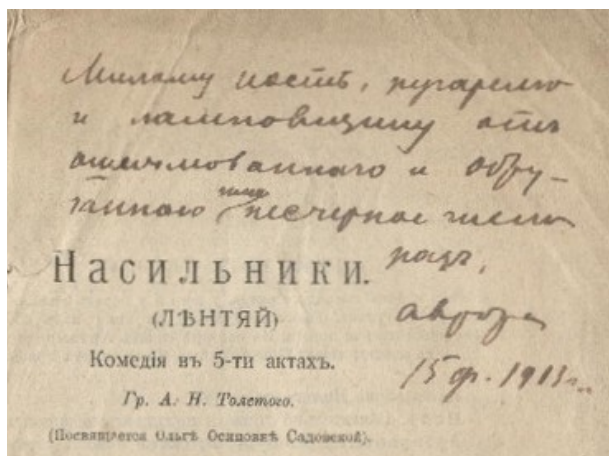
С Константином Васильевичем Толстого, несмотря на существенную разницу в возрасте, сблизжала жажда радости, смеха и праздника, а любовь к искусству выглядела озорной и несерьезной:

Ходит Костя зол и дик
Испитой у Кости лик:
«Не художники, а черти,
С ними я устал до смерти»

.

«Это шутки — мажь да мажь,
Вот устрой-ка вернисаж,
Да ругайся, да клянись,
Ох мне Водкин попадись!»¹⁹

¹⁹ Там же. Д. 285. Л. 1.

Фрагмент страницы с первой публикацией пьесы А. Н. Толстого «Насильники» с авторской надписью К. В. Кандаурову

Кроме того, Кандауров Толстой был обязан постановкой своей пьесы «Насильники». В библиотеке Константина Васильевича сохранились страницы с текстом пьесы из журнала «Заветы» (№ 1, 1913), где впервые она была опубликована с такой надписью: «Милому Косте, пугателю и ламповщику от ошельмованного и обруганного им несчетное количество раз автора. 15 ф. 1913 г.»²⁰ В 1924 году он с благодарностью вспомнит об этом еще раз в статье «Моя первая пьеса», написанной к 100-летию Малого театра. Своего давнего друга, который «с незапамятных времен (с 1897 года — Л. К.) заведовал в Малом театре солнцем и луной, грозой и бурей»²¹, он назовет «живым архивом театра» и даст его иронично-нежный портрет: «Всех в театре — директора, актеров, режиссеров и рабочих на сцене — он считал превосходнейшими людьми и страшными чудаками. Когда он замечал в ком-нибудь чуждость, то начинал любить этого человека, от души потешался и оказывал ему тысячи услуг. На этом основании мы с ним очень подружились»²².

Кандауров действительно хорошо знал мир театра, умел остроумно и весело рассказывать о закулисной жизни,

²⁰ ГЛМ. Книжные фонды. № 106028.

²¹ А. Н. Толстой. Собрание сочинений. Т. 15. М.: 1953. С. 327.

²² Там же.

привычках знаменитостей, всевозможных театральных курьезах, в его квартире при Малом театре бывало множество народа, многие любили его искренне и без фальши.

Иначе — как типаж — интересовала Толстого и Анна Владимировна, которая казалась старше своих тридцати шести лет. В феврале 1913 года он записывает в дневнике: *«Вообще описать Анну Владимировну. Припомнить вечеринку у них. Как она меняла банты. Как краснела под всеобщими взглядами. Как Костя, сидя на углу стола, скалился во весь рот, вертя цепочку, вдруг хохотал деревянным смехом. Тяжко, утомительно, беспокойно женщине в 40 лет»*²³.

В проницательности Толстому не откажешь. Напомним, что встреча Кандаурова с молодыми петербургскими художницами Юлией Оболенской и Магдой Нахман произойдет все в том же Коктебеле в июне 1913 года, но пролог еще не случившейся истории уже намечен писателем.

Репортажем с места описываемых событий можно считать его коктебельскую запись от 20 июня 1914 года, также имеющую отношение к Кандауровой: *«Вечером я и Костя в комнате — говорили. Стук. Аня почувствовала скверно. Наконец плачет. «Зачем все ушли, оставили меня». «Кто все, Аня? — «Алексей и другие, их много было». Перебежала, села на другой стул, — «их было много. С длинными руками!» Костя повторял только — «Аня!»*²⁴. Это уже финал драмы, где нервное расстройство или повышенно-возбужденное поведение Анны Владимировны запечатлено в нескольких фразах — выразительно и емко.

Но в мае, когда расписывались «Бубны», отъезд Софьи Исааковны еще не предвещал, по крайней мере, для окружающих, ее окончательного расставания с Толстым, а Оболенская «с настроением как у щенка на солнце» беспечна и радостна в ожидании предстоящего свидания: *«Первый, т. е. следующий день был великолепен: я оделась с утра потеплее и пришлось постепенно разоружаться. Встала в 6 час. (в 8 ½ бужу Толстого, он*

²³ А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: «Наука», 1985. С. 308.

²⁴ Там же. С. 321.

уверяет, что так: «вставай, Алешка-мерзавец» — но мне все-таки кажется, что не так) бродила у моря в состоянии совершенно-го счастья — как это несложно оказывается!»²⁵

В черновом наброске воспоминаний Оболенская отмечает, что в отсутствии жены Алексей Николаевич возбуждал «поголовное увлечение местных дачниц и яростную зависть ко мне (только и слышишь от него: «Юленька, Юленька»)»²⁶. До приезда Кондауровых она действительно много проводила с ним времени, затем ситуация меняется. Под предлогом работы над портретом Константина Васильевича они все чаще уединяется вдвоем, и выходка Толстого, однажды направившего в окно комнаты струю воды из брандспойта, выглядит не такой уж и шуткой. Далее следует такой текст: «А. Толстой опрокинул К[онстантина] В[асильевича] в море, и я подралась с ним — он бил больно, как расшалившийся мальчишка»²⁷. Это, конечно, не дуэль на Черной речке, хотя момент соперничества, реакция на неожиданный проигрыш, очевидно присутствует.

Уже в июне события развернулись стремительно и так, что всем действительно было уже не до смеха. В письме Оболенской М. Нахман от 9 июля сюжеты наслаиваются один на другой, походя на сценарий любовного сериала: «Марина с Асей (...) перессорились со всеми дачниками, с Макс[имилианом] Алекс[андровичем], дерзили, грубили, создали тьму сплетен»; у самого Волошина тяжелые отношения с матерью и с Майей Кювилье, мучающей «истериками, потоплением»; Толстой, влюбившись в Маргариту Кандаурову, «потерял голову, угрожая и без того обезумевшей Анне Вл[адимировне], что застрелится, если она будет (в качестве тетки) мешать ему; ходил с револьвером...».²⁸

У всех на виду роман Оболенской с Кандауровым, которого жена срочно увозит в Феодосию, угрозы самоубийства и попытки их воплощения уже со стороны Анны Владимиров-

²⁵ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 979. Л. 2.

²⁶ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1 Д. 7. Л. 16.

²⁷ Там же. Л. 16 об.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 7. Лл. 77—78.

ны. Все это безумие закончилось грандиозным скандалом и разездом гостей, причем сам хозяин дома надолго уезжает за границу. В конце ноября из Дорнаха он писал Оболенской: «У меня от этого лета осталось глубокое сознание своего бессилия. Мы все точно в каком-то предрассветном сне томились и не могли проснуться...»²⁹

У Толстого отзвук этого лета станет прозой: «(...) Легкомыслие и шаткость среди приезжих превзошли всякие размеры (...) По всему побережью не было ни одной благополучной дачи. Неожиданно разрывались прочные связи. И казалось, самый воздух был полон любовного шепота, нежного смеха и неожиданной чепухи, которая говорила на этой горячей земле, усеянной обломками древних городов и костями вымерших народов. Было похоже, что к осенним дождям готовится какая-то всеобщая расплата и горькие слезы». («Сестры», гл.12)³⁰.

Июльские строки Юлии Леонидовны грустно-насмешливы и характерологически точны: «Было легче оттого, что у всякого было свое, и однажды, когда мы все сидели на балконе: Макс[имилиан] Ал[ександрович], Толстой, я — мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись в первый раз, ничего не объясняя друг другу, и только Толстой сказал: «Вот что значит «Бубны» расписывать!»³¹.

²⁹ В. П. Купченко. Указ. соч. С. 354.

³⁰ А. Н. Толстой. Указ. соч. Т. 7. С. 100.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 7. Л. 81.

Затмение

Темнело очень медленно, точно все наливалось тусклой черноватой водой и вдруг сразу начало меняться, в глубоко синем небе блеснули звезды, по всему краю неба занялся закат и все стало фантастично, как сон и ми­нуло также быстро. Я не знала, куда смотреть: на странно синий Меганом в пламенном небе, или зеленую черноту передних гор с нашей полянкой внизу, или на красноватые скалы Сююрю — или назад на перламутровый тусклый Коктебель с голубой тучей на плоских кряжах, а за нею розовый блеск непонятого заката. Лица были так странны — не в лунном, не в сумеречном освещении и не похожи на белую ночь. И сверху черное в белом венце солнце. Неожиданно быстро, как пуля, вылетел белый луч, и стало светлеть гораздо быстрее, чем темноло...

Ю. Л. Оболенская — К. В. Кандаурову
8 августа 1914.

Солнечное затмение в природно-культурном «тексте» четырнадцатого года возникает как астрономическая фантазия, «эпилог» уходящего лета. Тень Гекаты закрыта солнце — таков август на коктебельской сцене. Произошло это явление, естественно, без «профессионального вмешательства» Кандаурова, но гений места — как не вспомнить о нем? К тому же, у известного небесного явления в человеческом мире есть немало знаково-семиотических аналогов.

Горячее состояние Юлии Леонидовны передают ее страстные монологи, в которых присутствует полифония возможных в такой ситуации женских чувств. Любовь разбила хрустальный гроб «спящей царевны» и разбуженная, она «выйти одна она уже не может». «...*Нельзя разлучить нас, мы друг другу судьба, ее обойти нельзя*»³².

Речи Константина Васильевича растеряны и уклончивы, рефреном звучит: «люблю, но нужно терпеть и ждать». Счастье, которого будто ждали оба, ускользает, растворяется за неведомым горизонтом.

Из Коктебеля в Феодосию, а затем в Москву летят письма-нервы — то щемящее-нежные, то обиженные, то напористые и требовательные. Но вдруг они не доходят до адресата

³² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 987. Л. 1 об.

из-за почты или их «перехватили», или случилось что-то непоправимое? В ответ — «как хорошо, что ты мне много пишешь», «будь покойна и не туши святой огонь искусства», «не теряй силы на всякие скверные мысли», «если я заболею, то А[нна] В[ладимировна] тебя вызовет, и ты приедешь» и т. д.

Это похоже на официальные сводки о войне, где скрывается все существенное, с горечью отмечает Оболенская: «Только там это делается для поддержания духа в народе, а твои уклончивые письма моего духа совсем не поддерживают, т. к. опасность я через них чувствую и только не знаю, где она. Точно мне завязали глаза и заставили биться с врагом»³³.

Иногда она взрывается на отсутствие внятного отклика на ее излияния: «или я даром пытаю свою сердце и бумагу? Боюсь милый, что ты смотришь на них как на стихи и придаешь только мимолетное значение — скажи мне. Вот еще все советуешь наслаждаться природой. Как ты до сих пор не понял меня: без тебя нет солнца, нет моря — одно ожидание. Я ничего не вижу вокруг — без тебя».³⁴

И действительно, для нее будто исчезло море, погасли горы, живопись превратилась в живо-писание любимого лица и доводит до галлюцинаций — все слишком напоминает о его отсутствии, если не об утрате.

С окружающими — Пра, Волошиным, Богаевским, Розинским — разговоры только о Кандаурове, в которых и эмоциональная разрядка, и поиск поддержки, подтверждения законности случившегося и признания союза, за которым расцвет и возрождение к новой жизни. «Они поголовно и не задумываясь за это наше соединение»³⁵, — уверенно пишет Юлия Леонидовна в одном из писем, но в другом проговаривается: «Макс[имилиан] Ал[ександрович] обо мне говорил, что я «заглатываюсь» после всякого порыва»³⁶. И все же сочувствие, ка-

³³ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1011. Л. 3 об.

³⁴ Там же. Д. 1008. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 997. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 983. Л. 1 об.

жется, действительно на ее стороне — «Как дороги мне были две строки Толстого»³⁷.

Удивительно, как порой наши герои напоминают чеховских — драматической интонацией и самим строем высоких чувств, стиснутых обыденными обстоятельствами и бьющихся о них в ожидании светлого будущего и своего «неба в алмазах». Жизнь ли подражает искусству, искусство ли жизни — как знать, только эти «зеркала» — одно в другое — двойников создают неизбежно....

*«То обновление жизни, которое у нас с тобой наступает, будет звучать торжественным гимном тому, кто нам ее послал. Если мы теперь все откладываем, то только потому, что ни ты, ни я не можем резко наносить удары другим. Время — все! Верь так, как верю я, и все пойдет хорошо. Успокой меня, моя дорогая — ведь мне нужно так много сил для борьбы и устройства новой жизни. Твое спокойствие даст мне эту силу».*³⁸

Через много лет в черновике своих воспоминаний Оболенская объяснит все просто, выбрав из писем Кандаурова самые прозаические и беспаяфосные строки: «...Я не могу расчитать рабочего; как же я могу бросить человека, по отношению к которому я взял на себя обязательства?»³⁹. И добавит, что сожалеет об излишней своей «нервозности».

Но эмоции, отловленные сетью букв, стенограмма чувств и обнаженная достоверность есть редчайшие свойства документального источника — «пыльца бабочки», микроистория души и путь к ее «воскрешению».

«Родной мой, ты добился самого трудного, невозможного — неужели не сумеешь взять его? Ты ведь тот же и силы твои — те же, я не сомневаюсь в тебе. Столько людей не находят любви вовсе, столько их находят неполную — то слишком отвлеченную, то слишком звериную, а тебе уже нечего об этом думать. Если верно, что ты говорил о своей давнишней мечте, мечте всей твоей жизни, близкое которой ты во мне нашел — то тем луч-

³⁷ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 985. Л. 2.

³⁸ Там же. Д. 254. Л. 2 об.

³⁹ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1 Д. 7. Л. 17.

ше. Значит, все готовилось издавна, все создано твоей верой и теперь не может пройти мимо. Все равно, что призрак, выдумку свою ты превратил в человека — и вот стала я — живая, воплотившаяся; я не мечта больше. Превратиться в ничто снова я не могу. Могу умереть, но все равно ты будешь знать, что я была живую. Ты пойми, что это почти колдовство. Так вызывают духов, но они остаются призраками и исчезают; я же воплощена теперь и исчезнуть не могу. И мне нет иного места как возле тебя, это закон природы, я буду с тобой»⁴⁰.

Занавес.

И снова письма

Мы с тобой попали в мировую катастрофу. Все смутно сейчас и только одна любовь ясна и тверда.

К. В. Кандауров — Ю. Л. Оболенской.

20 июля 1914.

Отъезд из Крыма слегка остудил сердца и головы, но разрушения, произошедшие на Киммерийском Олимпе, оказались необратимыми. Его последствия еще долго будут обсуждаться в московских и петербургских квартирах, и в письмах, связывающих многих участников. История уже изменила свой ход и они — через свое личное, повседневное — сумели это почувствовать: *«Какая цепь несчастий у всех, — пишет Оболенская Кандаурову 10 сентября 1914 года. — И то, что с нами происходит, я убеждена, имеет более глубокие корни, чем отдельная воля. Посмотри, сколько разрушилось семей — мой брат, Толстые, а сколько я вижу других, кого ты не знаешь. И новое вырастает из какой-то мировой глубины, м. б. связанное где-то с войной, с какими-то неизвестными переживаниями.*

(...)По правде сказать, трудно заниматься искусством, когда оно сейчас и вместе с людьми летит на воздух — соборы и музеи — так все хрупко»⁴¹.

⁴⁰ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1000. Лл. 3 об. — 4.

⁴¹ Там же. Д. 1020. Л. 1 об. — 3.

Жизнь менялась и в измененном виде входила в берега. Задерживались почта и поезда, случались перебои с водой и прислугой, беспокоили сводки с фронта и испортившаяся погода. Поменял имя Петербург, в Москве ходят слухи о переезде царского двора.

Коктебель опустел. В августе ушел на войну Богаевский — «он сам того хотел и значит нельзя, бессмысленно огорчаться, — пишет Оболенская. — И я должна дописывать спокойно портрет с лица, которого м[ожет]б[ыть] не увижу больше»⁴². Волошин находится за границей, а Елена Оттобальдовна подолгу живет у друзей в Москве, хотя и здесь беспокойно. Осенью «бикфордов огонь» добрался и до семьи Цветаевой — в жизнь Марины Ивановны входит С. Парнок.

Толстой отправляется военным корреспондентом на фронт, унося с собой смуту нерешаемых отношений с Маргаритой : «...я люблю очень странную и таинственную девушку, которая никогда не будет моей женой»⁴³. Перед отъездом он дарит свой портрет работы Н. Ульянова с надписью, которую Оболенская приводит по памяти: «Дорогой Костя, уезжая на войну, увожу с собой твою золотую улыбку. Когда лягу на поле брани с свинцом в груди, передай кому следует мой прощальный привет и поцелуй. Да здравствует русская армия! Ура!»⁴⁴

В домах женскими руками шьется солдатское обмундирование, собираются посылки на фронт. «Попала в разгар заготовления мешков с подарками: тут и мыло, и нитки, и пуговицы, булавки, иголки, чай, сахар, чего только нет. И будет это 200 мешков»⁴⁵, — сообщает Оболенская в Москву.

Патриотические порывы захватили многих, но за ним порой скрывалась попытка заглушить личные драмы и переживания. В напряженной ситуации треугольника и Анна Владимировна, и Юлия Леонидовна если не рассматривали, то героически примеряли на себя платье сестры милосердия. «...Я решила идти в сестры милосердия, — к ужасу своего адре-

⁴² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1011. Л. 4 об.

⁴³ Переписка А. Н. Толстого. В 2-х т. Т. 1. М.: 1989. С. 212.

⁴⁴ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 14 об.

⁴⁵ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1093. Л. 1.

сата пишет Оболенская. — *Не бывать мне женой и матерью — буду хоть сестрой»*⁴⁶. Однако, усилия Константина Васильевича, а точнее его бессилие, проявившееся болезненной нервной экземой, привели к тому, что ситуация замерла в своей неопределенности то ли примирения, то ли данности. Анна Владимировна, настояв на годичном моратории в отношениях супруга с Оболенской, тем не менее, предлагает... совместное проживание в одной квартире, что кажется вполне приемлемым и Кандаурову. Такой вариант будет опробован позже, но, позже и без особенного успеха. Юлия Леонидовна пишет о том, что она повела себя как мать из притчи о Соломоновом суде, не желавшая, чтобы резали ее ребенка — уступила, добавляя, что роль Соломона отчасти исполняли друзья: Богаевские, Волошины, Толстой.

Завершая эту главу, приводим фрагменты переписки ее героев, в которых непосредственные отклики на большие и малые события лета 1914-начала 1915, которые представляют эмоциональное многоголосие и придают документальной хронике выразительные черты — реальности и почти литературного сюжета.

* * *

Кандауров — Оболенской 19 июля 1914. Москва.

Моя дорогая! Сегодня получил твое письмо, спешу тебе ответить, но не знаю, дойдет ли это письмо. Начну с дороги: сел в Феодосии, почти рыдал, на другой день тоже и только теперь пришел в себя.

Сегодня узнал от Алеши ужасную вещь, т. е. что Кузьмина-Караваева, приехав из Анапы, спросила: «Что случилось с Ан[ной] Влад[имировной]? Как уже умерла и больше не живет — на ней печать смерти...» Это ужасно! Я в ужасе от грядущего дня. (...) Мне отказывают в помощи как пострадавшему от пожара, и потому я снял маленькую, но уютную квартиру. (...)

⁴⁶ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1077. Л. 2 об.

Что у нас делается в Москве — описать не могу. Толстой едет военным корреспондентом в северную армию от «Русских ведомостей». (...) Мы на краю крупных событий внутри России и в Европе (...) В окоп(ах) слышна Марсельеза, а потом — спаси Господи, люди твоя. (...)

Толстой тебе кланяется и просит расцеловать ручки. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 246. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 23 июля 1914. Москва.

(...) Весь двор и государь будет жить в Москве. Приедут в субботу. Во имя нашей любви ты будешь себя беречь и дашь мне бодрость пережить этот тяжелый год. Толстой женится на Маргарите и обещал мне быть с ней бережным (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 249. Л. 2.

Кандауров — Оболенской. 2 августа 1914. Москва.

(...) Мы пока живем у Толстого и будем жить, пока не приведем все в порядок. Сегодня приехала Соня за вещами и паспортом. Они разошлись друзьями. Соня похудела и должно быть очень страдает (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 256. Л. 1.

Кандауров — Оболенской. 7 августа 1914. Москва.

Радость моей жизни! Я опять получил от тебя два письма в один день (...) Не унывай, что не можешь работать, т.к. есть много причин, независящих от нас. В настоящий момент мало кто может спокойно мыслить и работать. Все смутно понимают, что идет обновление и новый ослепительный свет зальет нашу жизнь. Новый дух, новое творчество и новые идеи озарят нашу жизнь. Как я жду, как хочу жить и работать! (...) Я все еще ночую у Толстых. Сегодня Соня едет окончательно в Петербург (...)

ГТГ ОР Ф. 5. Д. 258. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 8-9 августа 1914. Москва.

(...) Господи! Как хорошо, что ты мне много пишешь. Соня вчера уехала в Петербург. Алехан ищет маленькую квартиру и переедет, как найдет. О себе могу сказать, что думаю о тебе и день и ночь. Труден путь, да милостив Бог! (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 259. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 14 августа 1914. Москва.

Моя дорогая! Ты так засыпаешь вопросами, что ответить на все ужасно трудно (...) Я не хотел смотреть портрет⁴⁷, пока не будет готова рама, но ты заставила. Я нашел его великолепным. Я его ждал таким. В это время пришла Соня и я не успел его закрыть. Она пришла в восторг, повторяла: «Вот это вещь!»(...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 260. Лл. 1—2.

Небольшое отступление в качестве «цветной» ассоциации к сюжету этого письма. В своих воспоминаниях С. И. Дымшиц-Толстая пишет, как в первое свое лето в Коктебеле она позировала поэтам в серебряном венке и синем платье, полулежа на фоне моря и голубых гор, а они «современовались» в написании ее поэтического портрета. Лучшим из них оказалось стихотворение Толстого, которое с посвящением жене он включил в свою книгу стихов «За синими реками» (1911). Автопортрет Оболенской в красном платье — живописная рифма «голубому» периоду Коктебеля и яркий знак его «огненного» периода. «Переехав» из Петербурга в Москву, он неизбежно привносил в кандауровский дом непокой затаившегося вулкана.

⁴⁷ Речь идет о работе Ю. Л. Оболенской «Автопортрет в красном». 1914.

Кандауров — Оболенской. 6 сентября 1914. Москва.

(...) Вечером постоянно смотрю на твой портрет и мысленно целуя и обнимая, ложусь под ним спать. (...) Передай Фед[ору] Конст[антиновичу]⁴⁸, что если у него есть Алешиных денег 300 р., то попроси выслать не меньше 150, а то тут многие пристают с уплатой. Если денег меньше, то пусть вышлет все, что есть. Не огорчайся беспорядочности письма. Крепко и сильно тебя люблю (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 265. Л. 1—2.

Толстой — Кандаурову. 6 сентября 1914. По пути в Киев.

Милый Костя, возвращаюсь в Киев. Я так устал за 4 дня непрерывной скачки в телегах и бричках по лесным дорогам под дождем, воспринимая единственные в жизни впечатления, что писать о них сейчас не могу. Прочтешь все равно. Москва, Маргарита и вы, мои друзья, — далекий тихий край. Поцелуй Маргариту, но не смей говорить, что я прошу тебя ее поцеловать, они на это очень сердятся (...)

«Переписка А. Н. Толстого». В 2-х т. Т. 1. М.: 1989. С. 214.

Кандауров — Оболенской. 9 сентября 1914. Москва.

Моя милая! Моя дорогая! (...) Ты одна меня поняла целиком и потому, оставшись один, я очень сильно грущу и тоскую. Я теперь живу только тобой и твоей работой. Вчера были у нас Пра и вчера же приехали Рогозинские⁴⁹. (...) Я так люблю оставаться один; сижу против твоего портрета и смотрю на дороге мне

⁴⁸ Радецкий Федор Константинович (1873 — около 1943), юрист, статский советник; близкий человек матери художницы, Е. И. Оболенской (1852—1937); проживал вместе с ними.

⁴⁹ Рогозинский Владимир Александрович (1882—1951), инженер-архитектор.

лицо. В театре тоже скука и тупость. Живу мечтой о тебе (...) *Передай Фед[ору] Конст[антинovichу], что денег пока довольно и я уплачу долги Алеши, а 100 руб. пусть оставит пока у себя (...)*

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 266. Лл. 1—2.

Волошина — Оболенской. 10 сентября 1914. Москва.

(...) *Вчера была у Кандауровых и пришла к заключению, что мне там бывать не следует (...)* Очень мне грустно, что хорошие, дружеские отношения наши как бы пошатнулись. (...) *Квартира у них со всей обстановкой прекрасная: в пору только людям с хорошими средствами. В гостиной над диваном красуется Ваш портрет. Смотришь на все это и ничего не понимаешь (...)*

РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 21. Лл. 2—3.

Толстой — Кандаурову. 12 сентября 1914. Киев.

Мне кажется, что Маргарита совсем не любит меня, ей не нужна моя любовь. (...) Мне было бы гораздо легче, если бы Маргарита написала мне, что не любит, попросила бы оставить ее. Не знаю, какой властью, но я прикован к ней, я связан, я не могу жить, весь мир кажется мне пустым, и самое тягостное — неизвестность, неопределенность. (...) Узнай что-нибудь, милый Костя, и напиши мне поскорей или телеграфируй (...)

«Переписка А. Н. Толстого». В 2-х томах. Т. 1. М.: 1989. С. 216.

Кандауров — Оболенской. 18 сентября 1914. Москва.

(...) *Приехал Толстой и завтра просит меня для разговора. Я не хочу путаться, но мне невольно придется слушать все, что он будет говорить. Я почти уверен, что у Маргариты нет к нему серьезного чувства, а потому все это расстроится. Он*

стал невероятно худ от поездки и опять скоро поедет(...) Спасибо дорогая за последнее письмо, в нем столько тепла и чувства. Верь, дорогая, что пройдет зима, и если ты не разлюбишь, то получишь старую калошу. (...) Был у Пра и отвел душу в разговорах о тебе, Было ужасно хорошо! Будь покойна милая и береги себя для меня, которому ты нужна, как солнце. (...) Твой портрет висит в раме и всем очень нравится, я подолгу сижу перед ним и нахожу еще новые красоты (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 273. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. 21 сентября 1914. Петроград.

(...) Бедный Ямбо, если правда ты думаешь, что серьезного чувства к нему нет — вот и все к его услугам и легче ему, чем тебе быть свободным, а счастья нет. Ведь если даже она согласится, то будет ли это прочно? Она же не может этого знать. Я оттягала у Али карточки Маргариты и часто вынимаю их и смотрю. Она удивительная! Как все идет к ней, даже ее имя, которое значит: жемчужина. Более причудливого впечатления от красоты у меня не было, кажется. И невероятно фантастическое впечатление производит на меня еще эта тень сходства с тобой (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1029. Л. 2 об.

Небольшая ремарка о «таинственной» Маргарите, дочери младшего брата Кандаурова, Павла Васильевича, служившего в Большом театре. Мемуаристы, а вслед за ними и многие биографы Толстого, «запомнили» ее семнадцатилетней, хотя ей на два года больше. Образ этой девушки размыт, воздушен и совершенно бесплотен: она будто создана для любования, «цветок» и «лунное наваждение», как называет ее Толстой. Роль принца из балета «Жизель» ему не слишком подходила, и он сам это понял прежде, чем сочувствующие ему «зрители» изменили свое отношение к его герою. В связи

с этим еще один «рефлекс» темы «лунной девы» видится в названии пьесы «Геката», где имя древнегреческой богини, олицетворявшей собой все таинственное и связанное с душами умерших на перекрестках, если не «сплошной смысл» (С. Кржижановский), то случайно-неслучайный намек ли, знак...

Кандауров — Оболенской. 4 октября 1914. Москва.

(...) Сегодня приехал Алеша из Львова и я был у него. Я все забываю тебе написать, что Пра переехала к Лиле Эфрон и живет рядом с Rogozинскими. Я только не знаю № дома и квартиры. Алеша все спрашивал про тебя и просил тебе передать свой привет. Милая, милая, я ведь не могу жить без тебя! Пускай мы пока не будем мужем и женой, но та работа, которая нас объединяет, должна хоть временно заменить нам союз тела. Союз душ пусть крепнет и, Бог даст, мы найдем в нем смысл жизни. Опять боюсь, что не так поймешь. Ради Бога, пиши, если не понимаешь. Целую тебя крепко, крепко, береги себя и будь здорова. Я тебя, девчонку, тоже до глупости полюбил(...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 289. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. 8 октября 1914. Петроград.

Меня рассмешил как-то племянник Фед[ора] К[онстантиновича], кот[рый] ворчал, что слово Петроград написали даже в либретто к Евг. Онегину и что во времена Пушкина это звучит нелепо. А по-моему, ведь его и взяли-то из Пушкина- «Над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом». Пушкин вообще не церемонился, у него еще и Петрополь есть.

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1049. Л. 3.

Оболенская — Кандарову. (10) октября 1914. Москва.

(...) Котя, а ты не обижаешься, что я рисую тебе картинки, как Толстой Марьяне?⁵⁰ Ты мне так сурово написал: «не считай меня за ребенка», так и вижу твой строгий мужественный вид и осанку — точь в точь эскиз портрета, присланный тебе мною. Целую, солнышко!

ГТГ ОР Ф. 5. Д. 1052. Лл. 1—3.

Оболенская — Кандаурову. 13 октября 1914. Петроград.

(...) Ф[едор] К[онстантинович] очень просит тебя сообщить адрес Маргариты Павловны, т. к. готовы ее фотографии и ему хочется ей послать. Некоторые снимки плохи, а два хороши, он эти два и напечатал. Какая она красивая и как похожа на тебя. Рисую твоё лицо, особенно ясно вижу это (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1054. Л. 3.

Портрет Маргариты Толстой «подарил» героине своей пьесы «День битвы»: «У нее большие синие глаза; лицо бледное, — когда она задумывается, оно становится печальное; прекрасный, почти детский рот, прямые трагические брови»⁵¹. Синие — кандауровские — глаза Оболенская не раз отмечает в письмах и как любящая женщина, и как живописец. В толстовском описании они не менее завораживающие: «У нее такие мечтательные, такие очаровательные синие глаза, что мне кажется — о чем бы она ни заговорила, — о вас, например — кажется, что вы должны быть действительно необыкновенным человеком, раз о вас думают такие глаза»⁵².

⁵⁰ Толстая Марианна Алексеевна (1911—1988) — дочь Алексея Николаевича и Софьи Исааковны Толстых.

⁵¹ А. Н. Толстой. Указ. соч. Т. 11. М.: 1949. С. 117.

⁵² Там же. С. 135.

Оболенская — Кандаурову. 23 октября 1914. Петроград.

(...) Завтра ко мне придет Софью Исааковна со своей картиной, кот[орую] ей нужно подмазать пастелью, а у нее нет, и она будет поправлять у меня. Когда она позвонила по телефону, вышло очень забавно, т. к. я на вопрос «дома ли Ю[лия] Л[еонидовна]» не своим голосом спросила — «а кто спрашивает?» и тут же на месте узнав, кто — я превратилась в Юлию Леонидовну. Дело в том, что я спасаюсь от покушений ВОХа⁵³, т. к. по слабости характера могу уступить, а ни за что не хочу. И поэтому я действительно вроде какой-то гусеницы, притворяющейся мертвой (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1066. Лл. 1—3.

Оболенская — Кандаурову. 25 октября 1914. Петроград.

(...) Вчера я пошла к Званцовой, где был и Петр-Водкин и вернулась с пустой головой. Кузьма весел, рассказывал о своей дружбе с какой-то старухой, и это было любопытно, а, в общем, скучно. Он уже откуда-то знает о Толстых. Надеюсь, они не подумают на меня? Ждала Софью Ис[ааковну], но она что-то не пришла (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 1068. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 7 ноября 1914. Москва.

Милая, милая! Только что получил твое письмо и ты меня прости, если я откровенно тебе скажу, что оно произвело на меня гнетущее впечатление. Оно холодно! (...) Детка, детка как сложна жизнь и ее устройство! Боже мой, как я страдаю за тебя и за все наше дело. Лучше все отложим до нашего свиданья и поговорим спокойно. Если все поладим и уладим, то тогда откликнешься на просьбу Алеши написать ему портрет Маргариты.

⁵³ ВОХ — аббревиатура художественного объединения; предположительно, вариант названия Нового общества художников, существовавшего в Петербурге в 1903-1917 годах.

Ящика не бери, т. к. палитры и немного кистей у меня есть. Скорей бы прошла разлука и я бы увидел тебя — мою дорогую Юлю.(...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 322. Лл. 1—2.

Канадуров — Оболенской. 8 ноября 1914. Москва.

(...) Я начинаю приходить к убеждению, что глуп, как кочан капусты. Сегодня меня догонял во дворе Алеша и кричал: «Стой, садовая голова!» Это все же выше капусты. Близость свидания меня радостно волнует и я жду с волнением (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 323. Лл. 1—2.

Канадуров — Оболенской. 30 ноября 1914. Москва.

(...) Милая! Милая! Все в тебе сплелось в дивной и звучной гармонии. Пока прошу работать и быть покойной за мою любовь к тебе. Бог даст мне сил показать на деле то, что у меня на душе. (...) Сажу в театре и читаю пьесу Алеша⁵⁴. Прочел два акта и нашел их очень хорошими и, если так будет дальше, то пьеса прекрасна. Целую тебя без счета (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 327. Лл.1-2.

Комедия «День битвы» начинается с обращения: «Маргарита, пройдет много лет и будут говорить, что наш народ в героические дни мировых битв поднял оружие на самого страшного из врагов — на демонов уныния... Пройдут наши дни, улягутся бури, и тогда Радость станет царственной и всемогущий; нужно верить в ее царство и знать, что путь к ее золотым воротам — Любовь»⁵⁵. Адресат, как и назидательный пафос этой речи, понятен. Главная героиня пьесы носит то же имя — Маргарита, а польская фамилия «Каменецкая»

⁵⁴ Предположительно, «День битвы» (1914), законченная примерно к этому времени.

⁵⁵ А. Н. Толстой. Указ. соч. Т. 11. С. 115.

воспринимается как «говорящая» и только усиливает узнаваемость прототипа. «Маргарита, помните лунные ночи на океане? — обращается к ней русский офицер Нечаев, — ...Вы точно сошли тогда из лунного света. Вы точно слетели ко мне оттуда. Я схожу с ума, Маргарита!»⁵⁶

Оболенская — Кандаурову. 1 декабря 1914. Петроград.

(...) Получаю твои письма теперь в 6 часов отчего-то. Сегодняшнее пришло как раз в момент разговора о тебе, под яростный треск швейной машины. Вчера я сшила 100 мешочков, сегодня 50: совершенные бомбоньерки, странно вспоминать их трагическое назначение. Москва сидит без вина, а Питер-град и без воды: второй день не идет вода нигде: положение военное. (...) Я недавно вспоминала твой рассказ о том, «что нельзя в живых людей стрелять». Здесь рассказывали, как провели пленных немцев и у одного отрублено ухо. Солдат, который его отрубил, страшно жалел немца и, наконец, просит офицера: «Ваше благородие, дозвоьте ему полтинник дать: очень уж мне его жалко». (...)

ГТГ ОР Ф. 5. Д. 1094. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 2 декабря 1914. Москва.

(...) Прочел пьесу Алеши. Очень торопливая вещь и особенно два первых акта. Второй акт происходит в окопах, где солдаты говорят с офицерами; этот акт очарователен, чего не могу сказать про последний, т. к. конец запутан и скомкан. Мне кажется, что несмотря на свою трудоспособность, он устает к концу и становится вялым. Мне ужасно жаль — я искренно люблю его и его талант. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 329. Лл. 1—2.

⁵⁶ А. Н. Толстой. Указ. соч. Т. 11. С. 150.

Поскольку речь в письме идет об одной и той же пьесе, нельзя не отметить еще одну краску, свойственную натуре Кандаурова, — переменчивость настроений, эмоциональную подвижность оценок. Подобная непоследовательность, вибрация мнений, равно как и необдуманнные шаги Константина Васильевича, Юлию Леонидовну и забавляли, и огорчали. Так в переписке появятся вполне устойчивые образы-маски «кочана капусты», «садовой головы», Кости Капусткина, которые позволяли снять напряжение, улыбнуться, не педалируя недоразумений и обид.

Кандауров — Оболенской. 15 декабря 1914. Москва.

Милая и дорогая Юля! Сегодня день радостей: солнце светило ярко, был у Алеши, был в обормотнике, где ел чудесные лепешки из Питер-града, получил хорошее письмо, а дома сюрприз от Ан[ны] Вл[адимировны], которая тайком окантовала дорогие наброски акварелью. Как хорошо! И в театре, кажется, веселье! Радость и одна радость наполняла сегодня весь день. Я ужасно рад, что ты ищешь в живописи радости. Я не понимаю мрачное искусство — искусство должно нести радость жизни. Бросать свет в темноту. Как я счастлив сегодня!(...) Когда будешь в Москве, то будешь писать портрет Маргариты и это, чем скорей, тем лучше. Очень прошу не отказываться, т. к. многим доставишь этим большую радость (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 343. Лл. 1—2.

Волошина — Оболенской. 15 декабря 1914. Москва.

(...) Утром к нам к нам заходил Толстой с К[онстантином] В[асильевичем], у нас обедали, чай пили. К[онстантин] В[асильевич] был в духе, весел, объявил, что 22/XII (кажется, не вру) едет в Питер (...) Ан[ну] Вл[адимировну] я видела в опере, наши ложи были рядом. Мы только подали друг другу руки. Вид у

нее цветущий. Мне очень жаль, что я так редко встречаюсь с Кандауровым, а потому не могу время от времени давать Вам о нем сведения (...)

РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 21. Лл. 4—5.

Оболенская — Кандаурову. 16 декабря 1914. Петроград.

(...) Котик, а где же мне писать Маргариту — в оборотнике тесно в моей бывшей комнате. И станет ли сидеть она? Кто вообще интересуется этим портретом, кроме тебя? Я поэтому спрашиваю, что прошлый раз вышла чепуха.

Милый дружок, зачем посторонние приводят в порядок мои работы? Кроме тебя, никто этого делать не должен. Не сердись на меня за это (...) А хороши ли были лепешки у Пра? Это из отрубей, Котик, вот ты их и попробовал! (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1111. Лл. 1—3.

Оболенская — Кандаурову. 14 декабря 1914. Вечер. Петроград.

(...) Как поживает Пра и что Толстой? О чем говорили? (...) Котя, если писать Маргариту, то придется долго — согласится ли она? А скоро я не могу отделаться. Отчего ты снова заговорил об этом портрете? Когда приедешь, устрою тебе елку, хорошо? (...) Сейчас прерывала письмо, т.к. за чаем был у нас один слепой немец, у кот. сын в немецком плену, а сам он расстраивается по поводу травли «Нов[ым] Временем» прибалтийских немцев, т.к. чувствует себя горячим русским патриотом. По-русски еле говорит, и жаль мне его было смертельно. Много незаслуженного оскорбления может произойти для отдельных лиц. Вот — сын в русской армии был. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1112. Лл. 2—3.

Оболенская — Кандаурову. 28 декабря 1914. Петроград.

(...) Сегодня ночью был ветер с метелью и я знала грусть о тебе: если бы мне только держать твою руку, только приложить ее к щеке и слушать ветер около тебя. Утром писала, скоро кончу. Потом приходил Сер[гей]. Эфрон. Он изумительно, невероятно красив в своей шубе и шапке — какой-то принц индийский, раджа. Такой сказочной красоты, породистости я не видела больше. Но вот не могла бы увлечься! Дорогой мой, насколько ты моложе его, даже смешно! И не в смысле какой-либо мудрости, а просто в нем такая усталость и тяжесть. Как это странно. Ах, как я люблю тебя, люблюсь тобой. Моя радость, береги себя, чтобы мне радоваться на тебя всегда и чтобы моя живопись кричала от радости. Целую, до завтра (...)

ГТГ ОР Ф. 5. Д. 1122. Лл. 2 об. — 3.

Здесь, пожалуй, можно заподозрить в некоторой «недостаточности», намеренной холодноватости в описании своего отношения к С. Я. Эфрону Оболенскую. В записях о нем в дневнике 1913 года присутствуют другие интонации — более доверительные и дружески-нежные: « (...) Но Сережа. А он не чувствует своей хрупкости. Строит планы: « Я непременно найду в П[етер]б[урге] посмотреть Вас в обстановке из красного дерева», — сказал сегодня. Я бы ему прибавила жизни из своей, да нельзя. 19 лет.(...)»⁵⁷

Волошина — Оболенской. 30 декабря 1914. Москва.

(...) Меня на днях ошарашил Алехан в коридоре нашего оборотника, куда вызвал и сообщил, что любит Тусю Крандиевскую, любит давно и т. д. и т. д. Я в тот вечер не поверила ему, думала шутит, но дней через несколько он опять пришел уже ночью и целых 2 часа объяснял мне очень туманно и красиво, как

⁵⁷ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 об.

*все это в нем произошло. Разумеется, я его не обвиняю, но все прежнее обаяние его любви рассеялось. Померк ореол молодой, красивой, всепоглощающей влюбленности. И что он нашел в Тусе? Говорит, что мы все не знаем, не понимаем ее. Говорит, что у нее только внешность *articles de Paris*, как я ее называю, что этой внешностью она только прикрывается. Дай Бог. (...)*

РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

Оболенская — Кандаурову 1 января 1915. Петроград.

(...) Я вечером еще получила письмо от тебя — у тебя твой брат⁵⁸. Когда и надолго ли приехал? Отчего вы обо мне говорили — он знает обо мне или просто видел живопись? (...) Котик, ты ничего не знаешь о Толстом? Я слышала что-то странное о нем, ну, все равно. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1127. Л. 2.

Кандауров — Оболенской. 4 января 1915. Москва.

(...) Что же касается друзей, то я их не жалею, т. к. истинный друг не отойдет из-за пустяков. Вот Толстой. Это дело другое. Он меня не знал и не знает, т. к. прячется и бежит от меня. Пускай женится на ком хочет! Разве это мое дело? Я только могу порадоваться за Маргариту. Конечно, ему стыдно передо мной за те слова, которые говорил. Но я бы, если бы любил друга, не поступил бы так. Мне жаль его, т. к. он мог в это время стать крупным человеком, а он стал размениваться на мелочи. Бог с ним. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 359. Лл. 1—2.

⁵⁸ Кандауров Леонид Васильевич (1877—1961) жил и работал в Твери.

О Л. В. Кандаурове, ученом, педагоге, тесно связанным с семьей Поленовых, университетском приятеле М. А. Волошина, мы надеемся опубликовать изыскания его внучки Ксении Андреевны Кандауровой. От нее же нам стало известно, что в Мариинском театре Петербурга ныне танцует потомица той, «лунной».

Кандауров — Оболенской. 6 января 1915. Москва.

(...) Теперь достоверно могу сказать, что Толстой женится на Волкенштейн⁵⁹, урожденной Крандиевской. Может, ты ее видела у Эфрон под именем Туси. Сейчас Маргариточка в театре и просит тебе передать привет и поклон. Она спрашивает, скоро ли ты приедешь в Москву? Девочка она молодец! Алексея мне очень жаль, а почему расскажу при свидании. (...)Еще три недели и я опять увижу тебя, моя радость!(...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 360. Лл. 1—2.

Из содержания этого и следующих писем следует, что не Маргарита отказала Толстому, как об этом часто пишут в биографических работах о нем, а сам Алексей Николаевич, так и не придумав, «как уложить в форму брака» свое «лунное наваждение», принял другое решение. Но в данном случае нам интересна реакция свидетелей и участников событий: «страдающий» Толстой был им милее, чем снова жених, но уже другой женщины. Что до самого графа, то он в последующие двадцать лет был вполне счастлив в браке с Н. В. Крандиевской.

Оболенская — Кандаурову 6 января 1915. Петроград.

(...) Ты значит, уже знаешь о Толстом? От кого? Тогда ты понял, отчего у меня было гадкое настроение. Боже мой, какая, помимо всего, художественная бестактность, безвкусице. Человек может и полюбить, и разлюбить, но зачем были возвышенные слова, если от каждой юбки, ну Бог с ним. Он сам тебе сказал? В дружбу тогда можно верить столько же. Ты пиши мне, Котик, подробнее, я чувствую, что ты видишь каких-то людей, говоришь с ними, а мне забываешь сказать. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1133. Лл. 1—2.

⁵⁹ Волькенштейн, урожд. Крандиевская Наталья Васильевна (1888—1963) — третья жена А. Н. Толстого.

Кандауров — Оболенской 7 января 1915. Москва.

(...) Толстой пропал и я его около месяца не вижу. Видимо, избегает меня. Бог с ним! Мне только очень жаль, что он не работает и теряет время. Я был убежден, что он воспользуется таким интересным временем и создаст сильную и прекрасную вещь, которая возвысила бы его над общим уровнем. Мне искренно жаль его и его безалаберную натуру (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 361. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову 8 января 1915. Петроград.

(...) Как ты уверенно пишешь: «Т. женится на Гусе» — да пока она разведется, он успеет сделать предложение жене Вяч. Иванова — впрочем, дай Бог ему счастья, конечно. «Гусю» я знаю, т. к. училась с ней у Бакста. Она — после Маргариты — как это плоско. Можно любить кого угодно, но продавать мечту и так дешево. И что за отношение к человеку — сделать свою любовь достоянием всей Москвы и так кончить. Ну, молчу. Меня это ранило. Маргариточке кланяйся. За нее можно только пораздаться, она дороже стоит и не всякому ценить. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1136. Лл. 1—2.

Реакция Оболенской здесь выглядит не слишком дружелюбной по отношению к недавнему приятелю и его избраннице. Но не забудем, что в этом «зеркале» отражается и ее ситуация «отложенной» любви.

М. П. Кандаурова. 1910-е. Фотография.

Кандауров — Оболенской 10 января 1915. Москва.

(...) Получил от А. Толстого книгу его о войне с надписью: «Косте Кандаурову неизменно любящий А. Толстой»⁶⁰. Я его еще не видел и вряд ли скоро увижу (...) Если выставка будет хорошая, то буду работать и дальше, если же выйдет неудачно, то устраиваю в последний раз. Будь здорова и храни тебя Бог! Спи спокойно и если увидишь сны, пиши (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 364. Л. 2.

А. Н. Толстой. 1912—1914. Фотография.

⁶⁰ А. Н. Толстой. На войне. Т. 6 [Собрание сочинений]. Книгоиздательство писателей в Москве. 1915. На свободном листе черными чернилами автограф: «Милому Косте Кандаурову с неизменной любовью гр. А. Н. Толстой 9 янв. 1915 г.». ГЛМ. Книжные фонды. № 105160.

Книга Толстого «На войне» вышла с посвящением М. П. Кандауровой — таков литературный финал красивой и немного грустной истории о девушке-цветке, «фее кукол» и «фее канареек». Впрочем, в будущей кукольной сказке Толстого, возможно, еще и мелькнет ее тень...

Кандауров — Оболенской 11 января 1915. Москва.

(...) Обормотник разбежался и осталась одна Пра. Я еще не решился у них побывать, но теперь думаю, что в среду пойду. Очень буду глупо себя чувствовать по поводу истории с Толстым (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 365. Л. 2.

Кандауров — Оболенской 21 января 1915. Москва.

Здравствуй, светленькая! С добрым утром! (...) У нас много курьезов и скандалов среди художников. Сарьян пропал с нашего горизонта. От Федорыча⁶¹ писем нет и я писал Жозефине

⁶¹ Богаевский Константин Федорович (1872-1943), художник.

Густавовне⁶², надеясь получить хоть от нее вести о шкелетине (...) Скоро увидимся, моя деточка и все подробно расскажу. Алексея не видал. У Пра был пять минут, т. к. она собиралась к доктору. Будь умницей и веди себя хорошо. Люби меня и будь счастлива (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 375. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. 21 января 1915. Петроград.

(...) Сейчас ко мне звонила Софья Исааковна, спрашивала твой адрес, о котором я понятия не имею. Она собирается зайти и по голосу слышу, что ей хочется поболтать о казусе с Ал[ексеем] Н[иколаевичем]. Мне немного неприятно, т. к. чувствую, что все направленное в его огород будет метиться и в твой, т. к. по твоим словам она смотрит на ваши увлечения одинаково и значит в моем лице немножко хочет отомстить Маргарите. Но я этого не пойму (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 1151. Лл. 1—2.

Волошина — Оболенской 21-22 января 1915. Москва.

(...) В каждом слове Вашем свет любви и меркнет перед этим светом любовь ответная ей (...) Винить в этом нельзя, пожалеть можно: он умалился, Вы выросли, и никто тут не виноват ни в чем. Он был у меня на днях утром, но я спешила к доктору... и поговорить хорошенько, толком нам не удалось, к сожалению. Мое хорошее отношение к нему как бы умалилось за последнее время, но вероятнее всего я сама туту виновата: слишком я идеализирую и много требую от любимых людей, вместо того, чтобы принимать их со всеми недостатками, присущими каждому человеку, с себя начиная. В особенности если есть что другое, покрывающее недочеты эти с избытком.

⁶² Богаевская Жозефина Густавовна (1877—1969), жена К. Ф. Богаевского.

Мы также все, в особенности Лиля, были очень огорчены изменой Алехана своей лучезарной любви к Маргарите, но писать об этом пришлось бы много и долго, а мне не хочется уже писать У Сережи роман благополучно кончился, у Марины усиленно развивается и с такой неудержимой силой, которую остановить уже нельзя (...) и Аллах ведаёт, чем это завершится. (...)

РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 21. Л. 13 об. — 14.

Оболенская — Кандаурову. 24 января 1915. Петроград.

Котик, вчера была у Софьи Исааковны. Ты поручил ей пригласить на твою выставку кой-кого, причастных «Миру Искусства», которая будет здесь 23 февраля. Она спрашивает, наверное ли и когда будет твоя выставка, т. к. в случае совпадения с «М[иром] И[скусства]» многие будут лишены возможности участвовать у тебя; а те, кто желает выставлять во что бы то ни стало, могут остаться не при чем, если ты передумаешь и не устроишь. Можешь ответить на это ей, если хочешь, хотя лучше и мне знать — на случай вопросов. Меня выставка интересует лишь как твоя деятельность. Вот все, что мы о тебе говорили. Не тревожься — я не спрашивала ее о твоей жизни и она ничего не спрашивала, а говорила о своей. Она даже подчеркнуто игнорировала мое чувство, т. к. советовала «никогда не любить и не выходить замуж»; это было явное издевательство — ну Бог с ними, пусть издевается, кто хочет. Я не ответила ничего, как ты просил. Надо бы собственно избегать друзей твоей жены, но С[офьи] И[сааковны] многие стали избегать по совсем другой причине и я не хочу быть смешанной с теми людьми — это было бы ужасно.(...) Пожалуйста, перестань тревожиться, я могу повторить все, что говорила — это были воспоминания о «Тусе» и т. п. (...) Как ты боишься сплетен С[офьи] И[сааковны]! Что же я могла бы сказать такого, что тебе повредит? Всем же ясно, что у тебя осталась только дружба. Ну, дружочек, целую тебя, дорогой мой. Будь здоров и счастлив (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1156. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 26 января 1915. Москва.

Светленькая! Что это ты затуманилась? Что случилось? Я нисколько не боялся и не боюсь сплетен, но просто мне было досадно, если бы ты говорила с человеком, который нам не сочувствует. Я люблю говорить с теми, которые относятся к нам тепло и понимают нас, а с другими не говорю, т. к. напротив, когда чужие копаются в моей душе. Ты не поняла и иногда не понимаешь меня. Относительно твоего отношения к Соф[ье] Ис[ааковне] — я вполне одобряю. Кому ясно, что у меня к тебе осталась только дружба?(...) Хочу подойти к тебе весь целиком и свободным. Я хочу насладиться полным счастьем, не мучить тебя и всех, кто тебя и меня любит. Об этом мы поговорим лично (...)

ГГГ ОР. Ф. 5. Д. 380. Лл. 1—2.

Здесь остановимся. Отголоски коктебельского «земля-тресенья», звучат в письмах и дальше, но эти — личные — в отблесках первой мировой войны истории уже состоялись, а пламя мегасобытий века еще впереди.

В качестве постскриптума и далекого эха рассказанной истории, приведем единственное письмо Ю. Л. Оболенской А. Н. Толстому, вернее, его черновик, написанный, видимо, незадолго до окончания войны — уже второй, Великой Отечественной:

«Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Если Вы еще помните беспечные коктебельские дни и «золотую улыбку» «дяди Кости» Кандаурова, то, м[ожет] б[ыть], вспомните и меня, Ю. Л. Оболенскую, которую Вы когда-то называли Юленькой. Вернувшись из-за границы, Вы посетили нашу квартиру (по ул. Горького 46 б, кв. 8) и любовались нашей обстановкой, находя и ее, и нашу жизнь в СС[С]Р прекраснее жизни на западе.

В настоящий момент эта обстановка под угрозой гибели: временные жильцы вбивают гвозди в красное дерево, пользуются. В большой опасности коллекции рисунков К. Ф. Богаевского, работы Сапунова, Водкина и др., переписка, книги. Мне самой приходится ютиться на чужих койках в тяжелых условиях и непрерывной трево-

ге, т[ак] к[ак] после эвакуации не могу добиться прописки. В Москве полным ходом идет художеств[енная] жизнь. У меня огромное желание работать творч[ески], и мне со всех сторон предлагают интересную работу, нужную для государства. В Иванове эта жизнь еле теплится и делать там мне абсолютно нечего.

А[лексей]Н[иколаевич], Вы пользуетесь большим влиянием. Окажите мне помощь в деле прописки (нужно разрешение Моссовета). Не ради меня, а ради памяти Конст[антина] Вас[ильевича] и для спасения культурных ценностей.

Ю. Оболенская»⁶³.

Неизвестно, было ли отослано это письмо. Но вернуться в свой дом Юлии Леонидовне удалось.

⁶³ ГЛМ РО. Ф. 348. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.